

САМООРГАНИЗАЦИЯ И "АТОМИЗАЦИЯ" МОЛОДЕЖИ КАК АКТУАЛЬНЫЕ ФОРМЫ
СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ

Автор: В. П. БАБИНЦЕВ, Е. В. РЕУТОВ

БАБИНЦЕВ Валентин Павлович - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социальных технологий Белгородского государственного университета.

РЕУТОВ Евгений Викторович - кандидат социологических наук, доцент той же кафедры (E-mail: babintsev@bsu.elu.ru).

Аннотация. На базе данных социологических исследований анализируются проявления полярных форм социокультурной рефлексии молодежи - самоорганизации и "атомизации". Показывается преобладание второй. Это находит выражение в "фетишизации" индивидуалистических практик и слабости социальных сетей, формальном характере деятельности молодежных организаций.

Ключевые слова: молодежная среда * социокультурная рефлексия * саморефлексия молодежи * рефлексивные модели * самоорганизация * "атомизация"

Проведенные нами в 1990 - 2000-х гг. на региональном уровне социологические исследования по молодежной проблематике фиксируют противоречивое состояние сознания молодежи. В структуре его, с одной стороны, отчетливо выражены позитивные установки на общение со сверстниками, личное участие в каких-либо ассоциациях по интересам. Но, с другой стороны, молодые люди демонстрируют крайне низкий уровень готовности к взаимодействию и самоорганизации. Для большого числа их общение на уровне компаний друзей или в формальных группах типа студенческих зачастую является единственным видом коллективного действия. Эта тенденция, которую можно определить как *тенденцию к "атомизации"*, проявляется в течение почти двадцати лет и, как нам представляется, связана с качественными изменениями в ценностно-смысловых установках молодых людей и российского социума в целом. В частности, еще исследования, осуществленные Информационно-социологической группой отдела, а затем и управления по делам молодежи Белгородской области в первой половине 1990-х годов¹, выявили выдвижение в сознании молодого поколения

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант N 07-03-00367а) и Правительства Белгородской области (N 08-03-55309 а/Ц).

¹ В их числе исследования: "Проблемы организации социальных служб для молодежи Белгородской области" (N = 800 человек) - 1994 г.; "Молодежь и власть" (N = 1000 человек) - 1994 г.; "Перспективы развития социальных служб для молодежи Белгородской области" (N - 4010 человек) - 1994 г.; "Негативные явления в молодежной среде и их предупреждение" (N = 1000 человек) - 1994 г.; "Социальные и психологические

на первый план ценностей индивидуалистического характера, связанных с практическим успехом и достижением личного благополучия.

Обобщение полученных данных позволило сделать вывод о том, что в молодежной среде стали доминировать престижно-потребительские установки и ориентации. Их преобладание во многих отношениях стало естественной реакцией молодежи на реализацию стратегии внедрения рыночных (и квазирыночных) принципов в экономику. В результате в 1990-е гг. в сознании значительной части молодежи стал утверждаться когнитивно-ценностный *диссонанс*, который проявился в противоречии между личными смысложизненными ориентациями и установками, предлагаемыми нестабильным обществом в качестве универсальных норм поведения. Формирование подобного диссонанса является одним из наглядных проявлений "рождения уникального явления - парадоксального человека" - процесса, который наиболее полно описан Ж. Т. Тощенко [1].

В принципе, как и любое противоречие, данный диссонанс может выступать потенциальным источником саморазвития личности. Однако подобная возможность, к сожалению, довольно редко реализуется на практике, поскольку необходимым условием конструктивного разрешения противоречия является наличие у личности воли к самосовершенствованию и хотя бы минимальной способности к саморегуляции. В реальной жизни воли и способности к саморегуляции обычно не хватает, и естественным результатом диссонанса являются различные формы социальной дезадаптации. Это особенно присуще, как показывают исследования, "обществу риска" [см. 2].

Когнитивно-ценностный диссонанс на уровне общности может быть преодолен путем выстраивания новых форм самоорганизации с поиском современных моделей коллективизма. Частично этот процесс начал набирать обороты и нашел более или менее адекватное выражение в возникновении сетевых самоорганизующихся структур. Но данная тенденция к коллективизму предполагает также высокий уровень самосознания и самооценки (рефлексивности), которым не обладает большая часть российской молодежи. В результате процесс ее самоорганизации *не получает сколько-нибудь явного институционального оформления*. Даже субкультурные, неформальные объединения молодежи приобретают в современных условиях сугубо узконаправленную ориентацию, связанную с каким-либо специфическим видом досуговой деятельности. Развитие виртуальных способов межличностной коммуникации, несая в себе огромный потенциал самоорганизации, тем не менее, в значительной степени сводит общение к сравнительно примитивным формам.

В выборе стратегии адаптации к социальной среде молодые люди, как правило, следуют индивидуализированным, внеинституциональным практикам. Проведенное Центром социальных технологий в 2008 г. в Белгородской области исследование "*Самоорганизация и атомизация молодежи как противоположные формы социокультурной рефлексии*"² показало, что главными факторами реализации своих жизненных целей большинство молодежи считает преимущественно личные качества - целеустремленность, работоспособность и т.п., не задумываясь о необходимости сотрудничества и объединения. Большинство молодых людей на ценностном уровне демонстрирует "веру в самого себя" (58% респондентов), в удачу и отсутствие веры во все

факторы правонарушений в молодежной среде" (N = 2000 человек) - 1995 г.; "Молодежь России" (N = 500 человек) - 1999 и 2001 гг.

² Сбор информации осуществлялся методом анкетирования (N = 700). Отбор респондентов производился по квотной выборке. Квотирующими признаками выступали пол, возраст, место проживания. Для сбалансированности долей городской и сельской молодежи в выборочной совокупности отбор производился в двух городах (Белгород и Старый Оскол) и четырех районах с преимущественно сельским населением (Грайворонский, Краснояружский, Старооскольский и Шебекинский). Выборка репрезентативна по отношению к генеральной совокупности. Кроме того, проведен опрос экспертов - специалистов в области молодежной политики, ученых (N = 31) о доминирующих в молодежной среде практиках адаптации к социальной среде, о наиболее существенных компонентах общественного сознания современной молодежи.

остальное (7% участников опроса). Государственные и, в меньшей степени, общественные институты не находят поддержки у молодежи. Следствием низкого уровня межличностного и институционального доверия в молодежной среде является *"атомизация" социальных практик и неготовность к солидаризации на позитивной основе* ради реализации собственных интересов. Низкая готовность к долговременному сотрудничеству и коллективным действиям выражается, в частности, в низкой оценке роли политических партий и общественных организаций, в слабой вовлеченности в их деятельность. Для установок значительной части молодежи характерен нормативный релятивизм - готовность молодых людей преступить социальные нормы, если того потребуют их личные интересы и устремления.

Анализ деятельности молодежных организаций показал: участие молодых людей в организациях с позитивной программой деятельности (политических, волонтерских, профсоюзных и др.) носит преимущественно мобилизованный характер, то есть инициируется "сверху" руководством учебных заведений, государственными структурами, "взрослыми" общественными организациями, либо же основано на сугубо карьерных соображениях - рассматривается исключительно как социальный лифт. Большое количество действующих молодежных организаций (в 2008 г. в России действовало более 400 тыс. молодежных и детских общественных объединений) не должно вводить в заблуждение, ибо многие из них носят формальный характер. Рекрутирование же участников в организации и сообщества с негативной программой (националистические организации, криминальные сообщества) протекает гораздо более автономно. Наблюдается эффект "негативной консолидации" молодежи. И хотя круг участников данных групп во много раз уже, чем организаций "позитивной" направленности, их деятельность зачастую получает гораздо больший резонанс вследствие внимания СМИ к проблемным и болезненным точкам общества.

Наши эмпирические исследования [3], дают основание утверждать, что самоорганизацию и "атомизацию" молодежи в настоящее время целесообразно рассматривать, прежде всего, как специфические формы саморефлексии, связанные с более или менее осознанными и успешными попытками уяснить свое место в обществе некалькулируемого риска. Этот вид рефлексии мы называем *социокультурной рефлексией* и определяем ее как совокупность способов оценки окружающей действительности и самооценки молодежи, базирующуюся на специфической интерпретации традиционных и современных ценностей и смыслов и воплощенную в комплекс взглядов, образов, мифов и символов, которые используются *для адаптации к сложившемуся социокультурному пространству или для его модификации.*

В литературе отмечается, что в современных обществах потребность в рефлексивности становится универсальной, распространяется на принципиально новые реалии; жизненно важные структуры обретают транснациональное расположение, а культурная система расширяет рефлексивные возможности. Рефлексия принимает разнообразные формы, которые сочетают в себе элементы традиционных культурных форм с довольно причудливыми образованиями, нередко отражающими болезненные состояния человеческой психики. Причем, современная рефлексивность все чаще институционализируется в альтернативных формах, которые сосуществуют и взаимодействуют, несмотря на порой взаимоисключающие целевые установки, принципы организации и ожидания участников [4].

Саморефлексия в обществе с многочисленными рисками, на наш взгляд, является вполне естественной защитной реакцией на социальную нестабильность, попыткой в меру имеющихся возможностей сконструировать собственную модель социокультурного пространства путем приватизации его отдельных составляющих. Это могут быть символы, мифы, территория, средства модификации физического и духовного состояния человека (наркотики, некоторые виды музыкальной культуры, какие-либо специфические практики), сверстники.

Рефлексия, выраженная в форме "атомизации", предполагает построение индивидуальной модели социокультурного пространства путем его своеобразного "свер-

тивания". Обычно такая стратегия реализуется вследствие гиперболизации конфликта с окружением, его переноса на социум в целом. При этом конфликт, который может иметь различные источники, приобретает в сознании субъекта ценностно-ролевой характер и, как следствие этого, ярко выраженную тенденцию к эскалации. Но во многих случаях "атомизация" является результатом завышенной самооценки собственных возможностей, не сопровождаясь при этом негативным отношением к окружающим.

Особым случаем построения уникальной рефлексивной модели социокультурной среды является *создание или воспроизводство формализованных структур, которые обычно выступают в форме молодежных организаций* (самостоятельных или движущихся в фарватере "взрослых" объединений), молодежных движений. Культурная рефлексия в данном случае укладывается в рамки заранее определенной схемы, предложенной извне и обычно подкрепленной значительными ресурсами. Тем не менее, как свидетельствует наше исследование, для части молодежи такой вариант рефлексивного поведения оказывается наиболее приемлемым, поскольку разрешает довольно сложную проблему поиска адекватного образа и стиля жизни. Таким образом, снимается необходимость инновационного действия и решения, которые, по-видимому, для подавляющего большинства молодежи не являются значимыми как в ценностном, так и в дескриптивном плане. Сложность проблемы рефлексии определяется тем, что, испытывая некую потребность к самооценке и самоанализу, многие молодые люди не способны самостоятельно и рационально реализовать ее в силу низкого уровня образования и общего развития. Общественно-политизированные модели рефлексии в данном случае оказываются незаменимыми для представителей данной категории молодежи. В основе таких моделей обычно лежат вера в лидера, нивелирование индивидуальной ответственности, идеологизация и прагматический расчет.

Примечательно, что во всех перечисленных формах молодежной саморефлексии присутствует ясно выраженный элемент игры. Игра все чаще становится для молодежи наиболее притягательным видом пространства саморефлексии. При этом существенно изменяется игровое поведение, что максимально упрощает процесс взаимной адаптации игровой деятельности и рефлексивного поведения. Развивается *играизация* - удобный и признаваемый референтной средой стиль повседневного рефлексирования. Ее предпочтение определяется тем, что "играизация есть деятельность, лишенная прямой практической целесообразности, в ней все осуществляется "понарошку". Игра, напротив, прагматична, что проявляется в следовании узко прагматическим интересам, соображениям выигрыша, выгоды, пользы" [5].

Играизация позволяет молодым людям имитировать рефлексивность, одновременно удовлетворяя потребность в самооценке, не выходя за рамки социально одобряемых форм поведения. Компенсирующая функция играизации, вероятно, не до конца осознаваемая большинством молодежи, учитывается представителями различных общественно-политических сил, стимулирующих создание квазиигровых молодежных формирований. О значимости "фишек" - ярких, запоминающихся элементах деятельности и имиджа молодежных движений как о факторе своего вовлечения в них говорили их активисты в ходе онлайн-дискуссий проекта Фонда "Общественное мнение" "Поколение-XXI". Внешний эффект и "своя тусовка" имеют зачастую намного большую значимость, особенно для самых молодых участников, чем какие-то неясные долгосрочные перспективы и идеи [6].

Соответственно, для различных целевых групп в молодежной среде предлагаются свои специфические "игры". В зависимости от специфики личностных диспозиций объекта воздействия они могут принимать более или менее жесткий характер. Но во всех случаях они реализуются в условиях контроля за участниками, превращающего формальные молодежные структуры в так называемые "рыбные садки" - места фильтрации будущей элиты (или контрэлиты).

Саморефлексия как способ приватизации социокультурного пространства свя-

зана с тем, что практикующие ее молодые люди конструируют особый мир ценностей и смыслов, который обычно возводится к какой-либо матрице. В неформальных структурах она чаще всего представлена феноменами массовой культуры (шоу-бизнес, литература, социальная мифология). В формальных организациях - идеологией, репрезентируемой политическим лидером. В автономных моделях поведения - мифами, ориентированными на мистику, религию, паранауку. Общим для этих матриц является то, что они являются "праксеоориентированными", максимально упрощенными (примитивизированными) и приспособленными для утилитарного использования. Все это делает подобные матрицы временными, подчиняющимися закономерностям формирования и эволюции моды. В их временности кроется одна из причин относительной недолговечности молодежных организаций, сравнительной легкости изменения молодыми людьми своих жизненных траекторий.

Наше исследование показало, что в жизненных планах молодых людей доминируют семейное счастье, карьера, богатство. Так, семейного счастья хотят 65% опрошенных. Две пятых (41%) настроены на карьеру. Третья часть (33%) респондентов жаждет богатства. Значительное количество (27%) считают одним из основных приоритетов реализацию таланта и способностей. Почти столько же (26,6%) полагают для себя важным достижение свободы и независимости в решениях и поступках. Обращает на себя внимание, что карьерные устремления лишь отчасти связываются со стремлением стать профессионалом в своем деле. Если сделать карьеру хотят 41%, то стать квалифицированным специалистом - 18%. Возможно, карьера в глазах значительной части молодежи - это уже терминальная ценность, тогда как профессионализм - инструментальная. Десятая часть опрошенных стремится к власти; столько же хотят принести пользу "человечеству и своей стране"; примерно столько же желают прославиться. Незначительная доля респондентов (6%), к которым, пожалуй, следует прибавить тех, кто не смог дать определенный ответ (2,6%), т.е. в целом таких молодых людей может быть много, не определили какие-либо позитивные цели и хотят лишь того, чтобы их оставили в покое.

Таким образом, семейное счастье в ценностных диспозициях молодежи обладает безусловным приоритетом. Это позитивная ценность, но ценность, объективно обладающая "атомизационным" потенциалом. Настроенность исключительно на семейное счастье, не сочетающаяся с иными жизненными планами, не способствует формированию и развитию долговременных коммуникативных стратегий, без которых невозможна восходящая социальная мобильность в профессиональной, общественно-политической и др. сферах.

Значительный интерес представляют суждения молодежи о том, что нужно в наше время для *достижения успеха* и от чего зависит достижение конкретно ими своих жизненных целей. Ответы респондентов на вопрос о факторах жизненного успеха выявили наиболее приоритетные из них в сознании молодежи: 1) практически ориентированные знания, 2) целеустремленность, 3) связи. Интересно, что в исследовании Левада-Центра, проведенном в 2006 г. среди молодежи России, "наличие знакомств и связей" заняло первое место в перечне факторов, которые, по мнению молодежи, позволяют добиться успеха в современном мире. Его отметили 49% респондентов - на 1 п.п. больше, чем те, кто выбрал "упорную работу", и на 6 п.п. больше, чем - "хорошее образование" [7].

Все остальные характеристики (в том числе, ум, деньги, общественная активность, положение родителей), с точки зрения молодых, вторичны. Так, общая культура, ум не могут сравниться со знаниями, образованием (их противопоставление можно, на наш взгляд, интерпретировать так, что имеется в виду именно прикладное образование, практические знания). Причем, образование не рассматривается исключительно как сугубо формальное - тех, кто считает, что нужен только диплом, "корочка", относительно немного - 12,6%. Молодые люди не согласны, что для достижения успеха нужно постоянно подчиняться требованиям окружения (противоположное мнение высказали менее процента респондентов), но и нестандартность мышления и поступков

(склонность к инновациям) также имеет небольшую ценность (8,6%). Таким образом, понимание средств и факторов жизненного успеха молодежью достаточно реалистично и неоригинально в том смысле, что вполне соответствует шаблону, сформировавшемуся в последние 10 - 15 лет. Общественная активность, как отмечалось, не рассматривается подавляющим большинством респондентов в числе первостепенных факторов жизненного успеха. Между тем, этот канал мобильности может быть при определенных условиях очень эффективен хотя бы для приобретения связей и знакомств, на которые так уповают респонденты.

Рассчитывая осуществить свои планы, подавляющее большинство респондентов (77%) надеется, прежде всего, на собственные силы. Треть респондентов (34%) рассчитывает на помощь родителей, родственников; четвертая часть - на удачу. Довольно многие, видимо, те, кто не совсем уверен в том, что реализует свои планы, надеются на случай, стечение обстоятельств (16%) и божью помощь (13%). На помощь государства, местной власти как на значимый фактор указывают 11% респондентов.

Нормативное представление о значимости личной активности, целеустремленности, волевых качеств корректируется в сознании молодых людей дескриптивной значимостью факторов иного порядка. Видимо, отвечая на вопросы, респонденты предпочитают оперировать понятиями и оценками, близкими к их представлению об "идеальном" социальном поведении, но вынуждены при этом давать и более реалистические ответы, дающие более адекватную картинку их жизненных ценностей и ориентации. То, что они практически не рассчитывают на помощь институтов публичной власти, с одной стороны, защищает их от возможного разочарования. С другой стороны, то, что государственные и муниципальные институты оказываются на периферии ожиданий молодежи, может иметь негативные последствия. Не чувствуя себя зависимыми от государства или обязанными ему, молодые люди, соответственно, не задумываются над тем, что должны делать какой-то вклад в функционирование публичных институтов. Представление о том, что человек в реализации жизненных целей обязан только самому себе, является, возможно, эффективной установкой для достижения индивидуальных целей. Однако в контексте социальной интеграции, солидарности такая идея представляется достаточно деструктивной.

Обращает внимание на себя противоречие между успешной адаптацией молодежи в социуме и критическим к нему отношением. 45% опрошенных удовлетворены состоянием социума, но более четверти (29%) не удовлетворяет общество, в котором они живут. Казалось бы, выявленная неудовлетворенность представляет собой необходимую предпосылку для социального действия и связанной с ним самоорганизации. Но эта предпосылка обычно не переходит в плоскость не только реальных действий, но даже осознания необходимости и действенности интеграции, солидаризации и самоорганизации в преодолении индивидуальных и общих проблем молодежи.

Самоорганизация, формирование молодежных организаций, движений не рассматриваются молодыми респондентами как эффективный способ защиты своих прав, реализации интересов. Из перечня предложенных вариантов оценки значимости различных способов гражданского участия его выбрали лишь 12,6% опрошенных. Правда, традиционные пользуются еще меньшей поддержкой: участие в политических партиях - 5%, обращение в органы государственной власти - 6%, обращение в средства массовой информации - 7%. 15% респондентов вообще ответили, что не видят таких способов. Но большая часть (40%) выбрала в качестве наиболее эффективного способа *индивидуальную активность*, использование личных и семейных ресурсов.

Следовательно, имеются веские основания утверждать, что *саморефлексия современной молодежи носит в большинстве случаев неполный, "одномерный" характер.* Ее неполнота, как отмечено, проявляется, прежде всего, в гиперболизации индивидуальных практик. С нею тесно связана преимущественная интернализация

индивидуалистских ценностей и довольно ярко выраженное преуменьшение значения ценностей коллективистских. Логическими следствиями подобного дисбаланса является *ограниченность внутригрупповой и межгрупповой солидарности молодых людей*, а также крайне противоречивое восприятие ими общества. При всем критическом восприятии его молодые люди *не предпринимают сознательных усилий по изменению социума*. В тех же случаях, когда протест "прорывается наружу", он носит спонтанный характер и выражается в приобщении к деструктивным объединениям. Впрочем, и они характеризуются нестабильностью и сравнительной малочисленностью.

На основе полученных результатов мы считаем возможным сделать важный для организации практической работы с молодежью вывод. Он заключается в том, что любые усилия, направленные на стимулирование самоорганизационных процессов в молодежной среде, не будут эффективными, если они не учитывают социокультурный аспект проблемы. *Успешная самоорганизация молодежи возможна лишь в том случае, если молодым людям будет свойствен иной, нежели в настоящее время, тип рефлексивности.*

В идеале это должна быть рефлексивность, основанная на ясном представлении о состоянии общества и своем месте в этом обществе и, что крайне важно, своей роли в культурно-историческом пространстве России. При этом рефлексия должна исходить из представления о поликультурности современной реальности, о необходимости взаимодействия и достижения баланса интересов граждан и их объединений, продолжающих и развивающих различные традиции. *Рефлексия должна стать более рациональной, опирающейся на понятийное осмысление действительности и предполагающей готовность к выбору из многих возможных вариантов социального поведения.*

Означает ли это, что самоорганизационные процессы в среде российской молодежи будут оставаться скорее маргинальным и периферийным явлением, а сама молодежь обречена на роль "ведомого"? И да, и нет. Да - поскольку в короткие сроки посредством любых технологий переломить современный тренд социокультурного развития не представляется возможным. Процессы самоорганизации в среде молодежи, как правило, либо имитируются, либо навязываются извне. В результате фактически консервируется актуальная социокультурная среда. Нет - потому что заканчивается период эйфории от стабилизации российского общества и государства в 2000-е гг. Все более сказывается влияние глобального и внутреннего кризиса. Нерешенность ряда ключевых проблем общества (экстремальная социальная поляризация, существенные масштабы депривации, структурная слабость экономики, коррупция и др.) являются значимыми предпосылками как для позитивной, так и для негативной консолидации молодежи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Тощенко Ж. Т.* Фантомы общественного сознания и поведения // Социол. исслед. 2004. N 12. С. 4.
2. *Чупров В. И., Зубок Ю. А., Уильямс К.* Молодежь в обществе риска. М.: Наука, 2001.
3. См.: *Бабинцев В. П., Реутов Е. В., Бояринова И. В.* Социальное аутсайдерство молодежи пограничного региона: проблемы диагностики и регулирования. Белгород, 2007; Молодежь российского региона: духовные миры и жизненные стратегии / Под ред. *В. П. Бабинцева*. Белгород, 2007.
4. См. об этом: *Кравченко С. А.* К итогам VII конференции Европейской социологической ассоциации: тематические, теоретические и методологические новации // Социол. исслед. 2008. N 2. С. 4 - 9.
5. Социология молодежи. Энциклопедический словарь. М., 2008. С. 139.
6. См.: *Лебедев П.* "Вместе веселее", или "Один в поле не воин" // Социальная реальность. 2008. N 6 / Режим доступа к изд.: http://socreal.fom.ru/?link=ARTICLE&aid=529_ Систем, требования IBM PC; Internet Explorer.
7. См.: *Зоркая И.* Поколение живущих как надо // Независимая газета. 2008. 16 сентября.